

МАРИНА МНИШЕКЪ.

М. Хмѣровъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

М. Хмыровъ.

САНКТЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1862 года.

(Извлечено изъ Сѣвернаго Сіянія.)

Въ типографіи В. Спиридонова и К^о.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

...Усмотрели семя и улюбилн сѣбѣ...
яснѣвельможную панну Марину съ
Велик Кнѣзѣ Мнишевицу, вос-
веденку Седомпрскую, старостенку
Лвовскую, Самборскую, Меденицкую..
Слова грамоты Лжедимитрія I.

Съ утреннею зарею 2 мая 1606 года москвичи были уже на ногахъ, и первые лучи восходящаго солнца освѣтили несчетныя толны народа, тѣснившіеся по всему пространству отъ Флоровскихъ (Спасскихъ) воротъ въ Кремль до Можайскаго вѣзда въ Москву. Въ то же время, по обѣимъ сторонамъ этого пути, окаймленнаго любопытными, устанавливались тысячи конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, однообразно одѣтыхъ въ красные суконные кафтаны, съ бѣлыми перевязями и вооруженныхъ длинными ружьями съ красными ложами. Сгущаясь болѣе и болѣе, къ самому Можайскому вѣзду, толны почетительно раздавались здѣсь передъ однимъ изъ распорядителей происходившихъ приготовленій, человекомъ коренастымъ, изъ себя смуглымъ, и замѣтнымъ по большой бородавѣ на щекѣ, подъ

самымъ глазомъ. Этотъ человѣкъ, одѣтый очень просто, но постоянно окруженный десяткомъ всадниковъ въ богатомъ нарядѣ, суетливо разѣзжалъ верхомъ, лично размѣщаль 200 польскихъ гусаръ съ бѣлыми значками на красныхъ плакахъ и то и дѣло поглядывалъ на Можайскую дорогу, гдѣ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ столицы, виднѣлись новыя толпы и красовалось надъ самою Москвою-рѣкою, что-то въ родѣ замка. По приведеніи всего въ надлежащій порядокъ, человѣкъ съ бородавкою глянулъ еще разъ на можайскую дорогу, и, повернувъ коня, поскакалъ къ Кремлю, сопровождаемый тѣми же всадниками и тѣмъ же очевидно всеобщимъ почтеніемъ.

Этотъ человѣкъ съ бородавкою былъ никто иной, какъ самъ царь московскій, — загадочный Разстрига, можетъ быть, дѣйствительно, Гришка Отрепьевъ, а можетъ быть вовсе не самозванецъ, вовсе не Лжедмитрій какъ называетъ его исторія. Благодаря столько же покровительству польскихъ іезуитовъ, сколько личной своей смѣлости и особенно бородавкѣ подъ глазомъ, поразительно напоминавшей царевича Дмитрія, младшаго изъ сыновей царя Ивана Грознаго, Разстрига необычайно счастливо умѣлъ расположить въ свою пользу массу русскаго народа, быстро прошелъ трудный путь отъ Польши до Москвы, сорвалъ вѣнецъ Мономаховъ съ головы

Годунова II — и дерзко сѣвъ на тронѣ русскихъ царей, нетерпѣливо ждалъ прибытія изъ Польши нареченной невѣсты своей, къ чему «нача уготавлилися со всякими поспѣхами, которые бы нѣчто являли, яко бы онъ выигралъ Россію» (¹). Эта невѣста, ласневельможная панна Марина съ Великихъ Кончицъ Мнишковна, прелестная и знатная полька, съумѣвшая предпочесть множеству красивыхъ магнатовъ, искателей ея руки—ничтожнаго и невзрачнаго искателя русскаго престола, — невѣста, уже осыпанная дарами страстно влюбленнаго въ нее жениха и давно снѣдаемая жаждою честолюбія, была теперь у своей цѣли, стояла въ великолѣпныхъ шатрахъ надъ Москвою-рѣкою, казавшихся издали красивымъ замкомъ, — и жадно вливалась глазами въ стольную Москву, разстилающуюся какъ на ладони у ногъ своей будущей повелительницы. Ее-то, счастливую Марину, готовился торжественно встрѣтить царь московскій, и вотъ почему устанавливались шпалерою конные и пѣшіе стрѣльцы, вотъ почему толпились за ними любопытный народъ. Наконецъ каждый занялъ указанное ему мѣсто, толпа, видѣвшаяся на можайской дорогѣ, заколыхалась, и загудѣли всѣ московскіе колокола, грянули пушеч-

(¹) С. Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Изд. въ 1799 г. Львовымъ. Ч. III, стр. 180.

ные выстрѣлы, загрохотали стрѣлечіе барабаны; царская обрученища двинулась отъ станowychъ щатровъ къ Москвѣ.

Шествіе открывалось тремя стами гайдучовъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны. За гайдучами ѣхало до 1000 человекъ думныхъ людей, бояръ и дворянъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. За ними слѣдовалъ польскій конвой цари московскаго, игравшій на трубахъ и литаврахъ, далѣе — гусарскій конвой восводи сендомирскаго, отца царской невѣсты; наконецъ родственники невѣсты, всѣ на турецкихъ коняхъ, сбруя которыхъ блистала серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Потомъ 12 великолѣпно одѣтыхъ копуховъ вели подъ уздцы 12 верховыхъ коней, только что подаренныхъ невѣстѣ женихомъ и украшенныхъ въ богатые чепраки и сѣдла съ золотыми удилами и серебряными стременами, покрытыя дорогими попонами изъ барсовыхъ и рысскихъ мѣховъ. Посредственно за тѣмъ 12 сѣрыхъ въ яблокахъ жеребцовъ взяли другой подарокъ жениха невѣстѣ — огромную карету съ серебряными орлами царскаго герба, снаружи вызолоченную, а внутри обитую краснымъ бархатомъ и парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Въ этой каретѣ, на особомъ стулѣ, устроенномъ въ видѣ трона, сидѣла сама Марина, имѣя передъ собою одну изъ своихъ дамъ, старостину

Сохачевскую. Подлѣ кареты ѣхалъ на превосходномъ аргамакѣ, отецъ Марины, восвода сендомирскій, одѣтый въ багряно-парчевой кафтанъ на собольемъ мѣху, и блиставшій шпорами и стременами изъ листаго золота съ бирюзовыми накладками; тутъ же шли по обѣимъ сторонамъ, въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и алыхъ суконныхъ плащахъ 6 лакеевъ невѣсты, а нѣсколько поодаль— двѣ сотни царскихъ нѣмцевъ-алебардовщиковъ въ фіолетовыхъ кафтанахъ, различавшихся между собою красными или зелеными бархатными выпушками и камковыми рукавами тѣхъ же цвѣтовъ. Карету конвоировала сзади сотня царскихъ копѣшцевъ, одѣтыхъ въ бархатные камтановые плащи съ золотымъ позументомъ и вооруженныхъ бердышами съ золотымъ царскимъ гербомъ, древки которыхъ были обтянуты краснымъ бархатомъ, усажены серебряными гвоздиками, увиты серебряною проволокою, и украшены золотыми кистями. Въ тылу копѣшцевъ, 8 бѣлыхъ лошадей, окрашенныхъ отъ копытъ до половины тѣла красною краскою, везли путевую карету Марины, обитую снаружи зеленою, а внутри красною парчею, съ четырьмя стульями въ богатой золотой оправѣ; сбруя на лошадяхъ была красная бархатная, съ серебряными вызолоченными застѣжками, а на козлахъ сидѣлъ возница въ зеленой шелковой ферези. За путевымъ экипа-

жемъ Марины, теперь пустымъ, слѣдовала третья карета, запряженная 8-ю бѣлыми лошадьми и занятая гофмейстериною Марины, съ тремя другими дамами; потомъ ѣхало еще 13 парадныхъ каретъ и нѣсколько открытыхъ лимузинъ, украшенныхъ затѣйливою рѣзьбою и обитыхъ то краснымъ, то чернымъ бархатомъ съ золотыми позументами. Въ тѣхъ и другихъ экипажахъ была размѣщена остальная свита невѣсты, и всѣ они, щеголяя роскошною упряжью въ шорахъ, управлялись возницами то въ алыхъ атласныхъ фезезяхъ, то въ черныхъ камчатныхъ жупанахъ. Поѣздъ заключался путевымъ конвоемъ Марины, — отрядомъ всадниковъ въ панцыряхъ и полномъ вооруженіи, съ хоромъ музыкантовъ на трубахъ и флейтахъ ⁽²⁾. Достигнувъ городской черты, шествіе пріостановилось: здѣсь, у вѣзда въ Москву, посадскіе люди, повинувшись предварительно изъясненной царской волѣ, поднесли гостьѣ привѣтственную хлѣбъ-соль, послѣ чего царская невѣста, съ тою же торжественностію продолжала слѣдовать къ Китай-городу. «А какъ панъ Юрій съ своею дочерью, съ панною Маринкою, вѣхали въ Китай-городъ въ никольскіе ворота, и Ростригъ Гришкѣ бысть радости велія; вслѣлъ въ тѣ поры

⁽²⁾ См. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устряловымъ въ 1831 г. I. стр. 66; 71. II. стр. 44 и д. ч. IV, с. 28, 29, 124—126.

по накрамъ и по литаврамъ бити, и въ трубы трубити въ разныя, и въ сурны играти во многія. И ѣхалъ Сендомирской съ панною Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры, для прелести, игра была многая немѣрная до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ, а на Фроловскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки, поставлены были подъ накры и подъ сурначе многія трубы, отъ Никольскихъ воротъ ко Фроловскимъ воротамъ, подлѣ церквей. А у Сендомирскаго воеводы, у Юрья Мишига, и у дочѣри его панны Маринки, въ полку Литовскіе люди, и Поляки и Люторы, и иные многіе, тако жъ играли ѣдучи, били по накрамъ и по литаврамъ, и въ трубы, и въ свирѣли, и въ Венгерскіе дулы, и въ рожки, и въ иные многія игры Литовскаго и Польскаго обычая играли» (3). На мосту у Спасскихъ воротъ—теперь не существующемъ—невѣстѣ громогласно отдали честь 50 барабанщиковъ и 50 трубачей, «которые—говоритъ очевидецъ Пасрле—производили шумъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, отъ того, что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ» (4). И Марина, проѣхавъ

(3) См. Сказаніе и новѣсть о Растрнгѣ Гримиѣ Отрешевѣ, и о походе его, изд. Общ. Ист. и Древ. Рос. въ 1847 г. стр. 21.

(4) См. Сказ. соврем. Дмитрій Самоз. ч. II. стр. 47.

шпалерою турковъ, арабовъ и персовъ съ одной стороны и двухъ жолнерскихъ полковъ—съ другой, остановилась у крыльца Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, гдѣ принять ее изъ кареты самъ жешихъ.

Тутъ же торжественно представленная царицѣ-инокинѣ Марѣѣ Ивановнѣ Нагой — которая, являсь по царскому приказу изъ Выхинской обители въ Москву, волею-неволею должна была разыгрывать роль дѣйствительной матери загадочнаго царя — Марина, за неокончаніемъ еще всѣхъ приготовленій къ свадьбѣ, оставалась въ Вознесенскомъ монастырѣ нѣсколько дней, и въ теченіи этихъ нѣсколькихъ дней, Вознесенская обитель вовсе не походила на жилище инокинь. Царь, ежедневно посѣщавшій тутъ свою невѣсту, приводилъ сюда съ собою музыкантовъ и скомороховъ, учреджалъ въ самыхъ кельяхъ названію матери пиръ и пляски «и самъ при оныхъ утѣшеніяхъ къ неудовольствію Россіи присутствовалъ» ⁽⁵⁾, между тѣмъ, какъ на монастырской кухнѣ готовились царскими поварами иноземцами вовсе не монастырскія ситди, потому что Марина не могла взять въ ротъ ни одного изъ русскихъ бунаньевъ, преимущественно изобиловавшихъ лукомъ и чеснокомъ. 6 мая, невѣста.

⁽⁵⁾ См. Краткая повѣсть о бывшихъ Россіи Самозванцахъ, кн. Щербатова. Изд. 1793 г. стр. 61.

уже стоявшая государству миллионныхъ издержекъ, получила послѣдній даръ жениха, шкатулку съ узорчатыми въ 50,000 р. 7 мая, вечеромъ, сѣла на великолѣпную колесницу и торжественно, при блескѣ факеловъ, пересѣхала изъ Вознесенскаго монастыря въ царскій дворецъ; а 8 мая — стала женою Разстриги и, слѣдовательно, московскою царицею.

Ихъ свадьба, отпразднованная — въ противность обрядамъ православной церкви — наканунѣ пятиницы и Никольна дня, совершалась слѣдующимъ образомъ. Воевода Сепдомирскій и княгиня Мстиславская ввели невѣсту первоначально въ столовую-избу, гдѣ надлежало произойти обрученіе. Марина явилась сюда въ аломъ бархатномъ сарафанѣ съ широкими рукавами, усыпаннымъ алмазами, яхонтами и жемчугомъ; на ногахъ ея были сафьянные сапожки съ высокими каблучками, на головѣ сіялъ драгоцѣнный вѣнецъ. Въ такое же богатое русское платье одѣлся и женихъ. Протопопъ благовѣщенскаго собора, въ качествѣ царскаго духовника, читалъ молитвы, а кн. Дм. Ив. Шуйскій, двоюродный братъ царя, въ качествѣ царскихъ друзей, тутъ же рѣзали каравай, перепечки и сыры, и разносили присутствующимъ ширинки. Изъ столовой-избы всѣ перешли въ Грановитую Палату, гдѣ, во всеобщему изумленію, увидѣли два престола — одинъ для жениха, другой для невѣсты — и услышали слова кн.

Вас. Ив. Шуйскаго, велегласно приглашавшаго Марину «вступить на свой цесарскій *мѣстѣ* и властвовать вмѣстѣ съ государемъ». ⁽⁶⁾ Исполнивъ первую половину этого приглашенія, Марина поцѣловала держимый передъ нею вѣнецъ Мономаховъ — и затѣмъ началось торжественное шествіе въ Успенскій соборъ. Впереди, церемоніально, выступали царскіе тѣлохранители, стрѣльцы, стольники, стряпчіе, знатные ляхи и свадебные чины; за ними, окропляя святою водою путь, устланный камнями и бархатами, шелъ благовѣщенскій протопопъ, и несли въ фонаряхъ пудовыя вѣнчальные свѣчи; далѣе слѣдовали въ должности рындѣ кн. Трубецкой, два кн. Кольцовы-Масальскіе и кн. Мещерскій, всѣ въ бѣломъ платьѣ на соболяхъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ, вооруженные серебряными топориками. За ними кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій несъ мечъ, кн. Вас. Голицынъ — скипетръ, а бояринъ и любимецъ царя, Басмановъ — державу. Далѣе шелъ женихъ объ руку съ невѣстою, которую поддерживала кн. Мстиславская — и шествіе заключалось гурьбою бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. По прибытіи въ соборъ, брачующаяся чета вступила на *чертожное* мѣсто и заняла отдѣльные престолы; Разстрига—золотой, а Марина—серебри-

⁽⁶⁾ См. Исторія государства Россійскаго Карамзина, изд. V, ч. XI. стр. 158.

ный. Затѣмъ женихъ сказалъ рѣчь патриарху, сидѣвшему на третьемъ отдѣльномъ престолѣ, и патриархъ, громогласно отвѣтивъ царю новою рѣчью, — тутъ же возложилъ на невѣсту животворящій крестъ, бармы, діадиму и вѣнецъ Мономаховъ, для чего свахи Марины, Арина Нагая и панья Тарло, сняли съ нея головной дѣвичій уборъ. Послѣ этого лики возгласили многолѣтіе *блгоутрной цесаревѣ Маріи*, и началась литургія, во время которой патриархъ украсилъ новую *цесареву* цѣлью Мономаховой, а потомъ помазалъ и причастилъ. По окончаніи литургіи, изъ собора выслали всѣхъ, кромѣ знатнѣйшихъ, и благовѣщенской протопопъ обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Слѣдовательно, православное миропомазаніе и коронованіе католички Марини обошлось безъ особыхъ затрудненій, которыхъ, однако же, могъ ожидать, и дѣйствительно ожидалъ Разстрига, что видно изъ словъ его, сказанныхъ послѣ свадьбы секретарю Бучинскому: «а болши де есмя всего боялся, что цесарева моя Римскія вѣры и нешто митрополи и архіепискупы и епискупы упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтѣѣ не стануть поминати, и какъ де есмя вшолъ вѣнчатся въ церковь и язъ де что хотѣлъ то дѣлалъ, все дѣлалось по моему хотѣнью и волѣ, и въ царскихъ дверѣхъ миромъ помазывали и во многолѣтѣѣ

пѣлъ во всѣхъ церкѣвахъ благовѣрную цесаревую, а сами де они то знаютъ, что пося мѣста опрѣчь Римской вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесари не бывало...» (7) Этого мало: Маринна была коронована до совершенія брака, т. е. вѣнецъ Мономаховъ уграсилъ, на этотъ разъ, головку польской панни, непринадлежавшей даже къ роду царскому... Но брачное торжество Разстриги, хотя и отправленное въ день не указанный церковью, сохранило всю обстановку древнихъ русскихъ обычаевъ. Такъ, на свадебной трапезѣ царской видимъ боярынь, изъ которыхъ однѣ сидѣли *въ лавкѣ, въ болюшомъ столѣ*, другія *подъ свахами*, третьи — *въ скамьи*; видимъ также бояръ, разсаженныхъ по чинамъ: одни *подъ дружками*, другіе *подъ боярынями*; знаемъ, что *у воды и у мыльни* были бояринъ Аоан. Нагой да окольничій Ив. Крюкъ-Колычевъ, а *въ мыльню ходили* бояре Петръ Крюкъ-Колычевъ, чашникъ Кн. Ив. Хворостининъ; знаемъ и то, что, въ должностн *мовниковъ*, состояли, между прочимъ, и будущія историческія знаменитости, какъ напримѣръ, кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій и кн. Дм. Тим. Трубецкой (8).

На разсвѣтъ слѣдующаго дня въ кремлевскихъ и

(7) Акты Археографической Экспедиціи, изд. 1836 г. . II. № 48.

(8) См. «Свадьба Ростригина» въ Древней Россійской Виллоинкѣ, Новикова, изд. II. XIII, стр. 116 — 122.

другихъ улицахъ Москвы зазвучали трубы и литавры, возвышавшія двору и городу начало брачнаго торжества, — что не мѣшало однако же царственнымъ новобрачнымъ покониться сладкимъ сномъ и проснуться *очень поздно* ⁽⁹⁾. Марина, вставъ съ брачнаго ложа вполнѣ царицею, не замедлила насладиться новымъ опытомъ давно желаннаго величія, и въ тотъ же день торжественно обѣдала на тронѣ, при чемъ ей прислуживали бояре, а за нею стояли тѣлохранители съ сѣкирами. Дочери Сендомирскаго воеводы, одѣтой теперь уже въ польское національное платье, любо было блеснуть передъ своими одноземцами сапомъ и обстановкой царицы московской; любо было слѣдить, какъ изумлялись яхн, ослабленные азійской роскошью русскихъ царей!... Принимая торжественное участіе въ ежедневныхъ пирахъ, Марина, на четвертомъ изъ нихъ, явилась въ коронѣ и до того восхитила такимъ зрѣлищемъ честолюбиваго родителя своего, что Сендомирскій воевода, забывъ и свойственный ему

(9) «...il semble que le bon Demetrius, qui peut estre avoit este par cy devat comme Moyne trop deuot sur son Breniaire, feit vne trop assez longue Messe avec sa nouvelle maistresse, en la compagnie de laquelle il se trouva si rauy, qu'il oublia de se leuer du matin...» Voy. La Légende de la vie et de la mort de Demetrius L'imposteur, imprimée à Amsterdam en 1606, reimprimée à Moscou en 1839.

гоноръ и одолѣвавшую его дряхлость, не хотѣли ни сидѣть, ни надѣть шапку и, въ увлеченіи чадолюбія, самъ прислуживалъ своей дочери, какъ смиреннѣйшій изъ ся подданныхъ. 12 мая Марина великолѣпно угощала въ своихъ покояхъ однихъ только ляховъ, и тутъ шли и плясали до ночи, при чемъ царь, одѣтый по-гусарски, танцевалъ то съ женою, то съ тестемъ. Два дня спустя, Марина точно также угощала у себя русскихъ бояръ и думныхъ людей, очаровывала ихъ кажущимся соблюденіемъ русскихъ обычаевъ, и ласково привѣтствуя каждого, старалась быть возможно любезнѣе со всѣми.

Празднества начинали однако утомлять царя, который спѣшилъ приняться за дѣло, и 15 мая уже принималъ участіе въ серьезномъ совѣщаніи своихъ бояръ съ польскими посланн. Но вовсе не о томъ думала царица. Царствуя не такъ давно какъ мужъ, успѣвшій отчасти привыкнуть къ власти, Марина переживала первый періодъ пользованія этою опасною игрушкою, видѣла себя вознесенною на верхъ счастья, возможнаго для шляхтянки, хотя бы и знатной, самоудовлетворялась роскошью, ее окружавшею, и, въ чаду величія, ниспосланнаго ей игрой слѣпаго случая,—шла наслажденіе полною чашею, думала только объ удовольствіяхъ и теперь нетерпѣливо ждала народнаго праздника 18 мая, кото-

рый приготавлился съ большими затѣями и долженствовалъ заключиться примѣрнымъ приступомъ къ нарочно - выстроенной деревянной крѣпости съ земляною осыпью, куда, по приказанію царя, «воинство зѣло любившаго», уже во множествѣ свозились кремлевскія пушки. Сбитая съ толку раболѣпнымъ поклоненіемъ, безусловно окружавшимъ русскую царицу прошлыхъ вѣковъ, Марпна слишкомъ рановременно убѣдилась въ прочности новаго положенія своего, вовсе не могла подозрѣвать, что это положеніе далеко не такъ прочно, какъ ей кажется, и, конечно, не знала, что въ то самое время, когда она тѣшится единственно мыслью о предстоящемъ праздникѣ 18 мая, — въ самомъ лонѣ царскаго двора зрѣетъ другая мысль, наборники которой сходятся по ночамъ въ домѣ Шуйскаго и даже начинаютъ попадаться въ руки правительства. Была ли напр. какая нибудь нужда сообщать царицѣ о томъ, что въ ночь на 16 мая схвачено и пытано въ Кремлѣ 6 человѣкъ подозрительныхъ людей, — когда и самъ царь не только не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, но даже не позаботился усилить дворцовую стражу, состоявшую всего изъ 50 человѣкъ иноземцевъ? — Или, какимъ образомъ могла бы дойти до Марины площадная молва, слышанная кое-къмъ еще 12 мая и состоявшая въ томъ, что мужъ Марпны не есть

истинный Дмитрій, а *царь поганый?* ⁽¹⁰⁾ Съ другой стороны, Марина, счастливая величіемъ царицы, начинала, можетъ быть, наслаждаться и счастіемъ жены, потому что нашла въ мужѣ своемъ человѣка къ ней подходящаго и вовсе не дюжиннаго, котораго одинъ изъ очевидцевъ описываетъ такъ: «остроумнѣе и наученіи кнѣжномъ доволенъ, дерзостенъ і велерѣчивъ всѣми, конское ристаніе любляше всѣми, на враги своя ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и сіюу велию, Таковъ бѣ Рострига» ⁽¹¹⁾. Слѣдовательно Марина не имѣла ни какихъ поводовъ отравлять чѣмъ нибудь свое настоящее блаженство и наслаждалась имъ вполне,— по крайней мѣрѣ до утра 17 мая 1606 г.

Въ это историческое утро, замѣчательное своею весеннею прелестію, но гибельное для Разстриги и пагубное для Марины, нѣжные супруги вовсе не въ-время были разбужены страшнымъ набатомъ, гремѣвшимъ со всѣхъ московскихъ колоколенъ. Сначала супруги думали, что гдѣ нибудь пожаръ и мужъ, вскочивъ съ постели, бросился къ окну; но тамъ вмѣсто огня и зарева усмотрѣлъ лѣсъ копій и бердышей, видимо приближавшихся къ дворцу, только что отстроенному новымъ царемъ на мѣстѣ дворца

⁽¹⁰⁾ Ист. Гос. Рос. Т. XI, стр. 165.

⁽¹¹⁾ См. Русскія достопамятности изд. Обществомъ Ист. и Древн. Рос 1815 г. Ч. I. 175.

Годуновыхъ. Все еще не понимая въ чемъ дѣло, мужъ на всякій случай, попросилъ жену вставать, и самъ спѣшилъ наскоро одѣться. Однако, шумъ сперва глухой, не только не стихалъ, но, становясь съ каждою минутою явственнѣе, скоро перешелъ въ какіе-то вопли, слышавшіеся уже въ самыхъ сѣняхъ дворца—и Басмановъ, въ отчаяніи вбѣжавъ къ супругамъ, сказалъ царю: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотять головы твоей: спасайся!» ⁽¹²⁾. Супруги поняли все—и полуодѣтая царица, не помня себя отъ ужаса, кинулась зря въ сѣни, уже наполненные разъяреннымъ народомъ, не была, къ счастью своему, узнана толпою, получила въ суматохѣ нѣсколько толчковъ, пересчитала, благодаря одному изъ нихъ, нѣсколько ступеней дворцовой лѣстницы, бросилась потомъ обратно въ свои покои, наконецъ полублагополучно укрывшись въ апартаментъ своей гофмейстерины, на порогъ котораго сталъ съ обнаженною саблею преданный Маринѣ слуга, Осмульскій. Но буйная толпа, продолжая искать по всему дворцу несчастнаго царя, уже выпрыгнувшаго въ окно, вломилась въ убѣжище царицы, умертвила Осмульскаго, подстрѣлила одну изъ придворныхъ дамъ, панью Хмѣлевскую, умершую отъ раны нѣсколько дней спустя, и гро-

⁽¹²⁾ Ист. Гос. Рос. Т. XI, стр. 167.

зила смертію самой Маринѣ, которая, какъ повѣствуютъ, сидѣла ни жива, ни мертва подъ юпками своей гофмейстерины, барыни весьма тучной ⁽¹³⁾. Подоспѣвшіе бояре выручили, однако, царицу, приказавъ толпѣ удалиться и не тревожить женщинъ, ни въ чемъ невиноватыхъ.

Марина не свидѣлась болѣе съ своимъ мужемъ. Овдовѣвъ, какъ извѣстно, въ это же самое утро, она узнала о своемъ низверженіи и была заключена подъ стражу въ томъ же дворцѣ, гдѣ такъ недавно еще окружало ее всеобщее поклоненіе. Даже воевода Сендомырскій, самъ, въ числѣ немногихъ ляховъ, едва избѣгнувшій смерти, нѣсколько дней не зналъ ничего объ участи своей дочери и чрезвычайно обрадовался, когда бояре, сказавъ ему: «дочь твоя спасена—благодари небо» ⁽¹⁴⁾—дозволили отцу взглянуть на свое дѣтище, и безъ свидѣтелей побесѣдовать съ дочерью.—Впрочемъ, бывшую царицу, а теперь узницу, содержали хорошо, готовили ей столъ на дому воеводы, откуда припосылал кушанье во дворецъ, такъ какъ Марина не могла ѣсть дворцовой стряпни, и 21 мая, два дня спустя по воцареніи Шуйскаго, Марина была возвращена отцу, при чемъ, однако же, у нея отобрали

⁽¹³⁾ Ист. Гос. Рос. Т. XVI стр. 172.

⁽¹⁴⁾ См. Лѣтопись Московская, Бера и сказ. Совр. и Дим. Сам. Ч. I, стр. 82.

всѣ драгоцѣнности, которымъ немедленно составили точную и подробную *ропись*.) Изъ этой росписи видно, что Марина, не считая «креста за стекломъ съ мощами святыхъ и надписаніемъ латинскимъ», невозвратно потеряла тогда жемчужный вѣнецъ нѣмецкой работы, осыпанный яхонтами и алмазами въ золотѣ; *шесть* паръ четокъ, между которыми были и золотыя съ яхонтами и алмазами, и жемчужныя съ финифтью, и низанныя какимъ-то «моднымъ» жемчугомъ; *семь* цѣпочекъ золотыхъ, серебряныхъ, жемчужныхъ, даже алмазно-яхонтовыхъ; *семнадцать* шелковыхъ чепцовъ, бѣлыхъ и кармазиновыхъ, сдѣланныхъ, болѣею частію, сѣтками, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, то и другое съ жемчугомъ; *десять* другихъ головныхъ уборовъ изъ бѣлой, красной и голубой парчи, или гладкаго и чернаго бархата, украшенныхъ жемчугомъ, золотыми узорами и туберозами изъ битаго серебра; *дѣвъ* власяницы, черную и бѣлую, вышитыя серебромъ и украшенныя золотомъ; наконецъ *тринадцать* воротничковъ и воротничковъ, или низанныхъ жемчугомъ по серебряной сѣткѣ, или тканыхъ съ цвѣтками золотомъ, или снабженныхъ золотыми, яхонтовыми, даже финифтевыми привѣсками, или шитыхъ *по-митовски* серебромъ съ шелкомъ. ⁽¹⁵⁾ «За тѣмъ

⁽¹⁵⁾ См. Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, изд. въ 1819 г. гр. Румянцевымъ. Т. II № 157.

низверженная царица оставалась при отцѣ, жившемъ подѣ присмотромъ въ старомъ домѣ Бориса Годунова, и не только не упала духомъ, но даже говорила ближнимъ своимъ, искавшимъ чѣмъ нибудь ободрить ее: «Избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ. Признанная однажды за царицу сего государства, никогда не перестану быть ею. И тотъ, кто бы захотѣлъ лишить меня короны, долженъ прежде лишить жизни» (16).

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи Шуйскаго, состоявшейся 1 іюня 1606 г., воеводу Сенодмирскаго выселили съ дочерью изъ стѣнъ кремлевскихъ и перевели въ Китай-городъ, въ домъ думнаго дьяка Аѳанасія Власьева, любимца и канцлера лжедмитріева, сосланнаго послѣ погибели Самозванца. Здѣсь Марина и отецъ ея, утѣшенные свиданіемъ съ молодымъ сыномъ послѣдняго, старостой Саноцимъ, прожили подѣ полу-арестомъ около трехъ недѣль, и отсюда, по царскому повелѣнію, были, въ половинѣ августа, отправлены на житьельство въ Ярославль, куда послѣдовало за ними 375 челов. ихъ земляковъ, въ томъ числѣ всѣ придворныя дамы и фрейлины павшей царицы. На

(16) См. статьи Попова «Изъ жизни Марины Мининой» въ литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей 1857 г. № 91, стр. 411.

переездѣ отъ Москвы до Ярославля, оконченомъ въ 16 дней, изгнанники получали весьма скудное содержаніе, кормили лошадей на свой счетъ и охранялись, пѣли, вѣриѣе, сторожились 300 стрѣльцовъ⁽¹⁷⁾. Но за то, на этомъ же переездѣ Марина услышала странную новость: ей сказали, что мужъ ея, гибель котораго она давно оплакивала,—вовсе не убитъ народомъ, но спасся и въ настоящее время благополучно обрѣтается въ Самборѣ, родномъ городѣ Марины, въ томъ самомъ Самборѣ, гдѣ нѣкогда Марина выслушивала страстные признанія царевича Дмитрія, гдѣ впервые сплелись ей престолъ и корона царства московскаго. Спасеніе мужа Марины, дѣйствительно, могло казаться возможнымъ самой Маринѣ, слышавшей еще въ Москвѣ, что трупъ, выброшенный на «лобное мѣсто», позорно валявшійся тутъ цѣлыхъ три дня, мало походилъ лицомъ на царя Дмитрія и носилъ ясные слѣды только что выбритой бороды, которой у мужа Марины вовсе не имѣлось. Какъ бы то ни было, Марина перевезла за Которосль нѣкоторыя надежды и внесла ихъ съ собою въ отведенный ей и ея камерфрейлинамъ домъ, стоявшій за зем-

⁽¹⁷⁾ См. Дневникъ польскихъ пословъ, въ Сказ. Соврем. о Дим. Самозв. IV, стр. 77—79.

льнымъ валомъ Ярославля⁽¹⁸⁾, рядомъ съ домомъ, назначеннымъ въ жилище воеводѣ Сендомирскому.

Ярославское изгнаніе Марины, ознаменованное пожаромъ въ самыхъ комнатахъ бывшей царицы, происшедшимъ на третій же день по прїѣздѣ ея въ Ярославль, продолжалось около двухъ лѣтъ и прекратилось вслѣдствіе договора, заключеннаго царемъ Шуйскимъ съ поляками, 15 іюля 1608 г.⁽¹⁹⁾. Изъ осьми статей этого договора слѣдующія три прямо касались Марины: 1) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 2) Воеводѣ Сендомпрскому не называть новаго обманщика своимъ зятемъ и не выдавать за него дочери. 3) Маринѣ не именоваться и не писаться Московскою царицею. Клятвенно обязавшись не нарушать этихъ условій, Марина, отецъ ея и другіе поляки выѣхали изъ Ярославля и, подъ надзоромъ князя Влад. Долгорукаго съ отрядомъ боярскихъ дѣтей— слѣдовали на Угличъ, Тверь и Бѣлый къ смо-

⁽¹⁸⁾ См. Исторія губернскаго города Ярославля, соч. Тропцкаго, изд. 1853 г. стр. 46.

⁽¹⁹⁾ Одинъ только Беръ, въ своей Лѣтописи Московской, говоритъ, что Марина съ отцомъ и родичами была перевезена изъ Ярославля въ Москву, гдѣ, до заключенія договора, содержалась нѣкоторое время въ тюрьмѣ, См. Сказ. Соврем. о Дим. Сам. Т. I, стр. 139—140.

ленской границѣ. Но всѣ эти плѣнники, замѣчаетъ Болтинъ «въ самое то время, какъ языкомъ клялися, въ сердцѣ своемъ противное уже умышляли» (20). Имъ, конечно, было очень хорошо извѣстно, что язва самозванства, вѣвшаяся тогда въ тѣло Россіи, раздѣляла русскихъ на нѣсколько враждебныхъ лагерей, съ которыми никакъ не могъ управиться всероссійскій самодержецъ Вас. Ив. Шуйскій. Къ тому же, старикъ Мнишекъ и дочь его, честолюбивая не менѣе отца, не могла не знать, что въ ихъ родномъ Самборѣ воскресъ, подъ покровительствомъ старой паньи воеводины Сендомирской, новый царь Дмитрій — не то поповичъ, не то дьякъ, можетъ быть школьный учитель, да же, говорятъ, жидокъ (21), стоявшій теперь въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, куда, съ нѣкотораго времени, начали стекаться къ нему всѣ враги закон-

(20) См. Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, соч. Ив. Болтина, изд. 1788 г. Т. 1, стр. 417.

(21) Вотъ слухи, официально ходившіе о второмъ самозванцѣ въ апрѣлѣ 1602 г.: «который де воръ стоитъ подъ Москвою, и тотъ де воръ пришелъ съ Бѣлыя на Велижъ, и зовутъ де его Богдашкомъ, и жилъ онъ на Велижи шесть недѣль. А пришелъ де онъ съ Бѣлые, какъ убили Разстригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у Разстриги писаремъ ближнимъ; и съ Велижи де съѣхалъ съ Ляввиномъ въ Витенскъ, и изъ Витенска де онъ съѣхалъ въ Польшу, а изъ Польши объявился въ воровское имя.» См. Акты Историческіе II. № 135.

наго порядка и только что пришелъ съ своимъ семитысячнымъ отрядомъ Лянь-Петръ Сапѣга, знатный и отважный искатель приключеній, безстыдно говорившій: «Мы жалуетъ въ царѣ Московскіе, кого хотимъ» (22). Слѣдовательно Сендомирскому воеводѣ былъ полный просторъ выбирать любое: или поскорѣе удалиться съ дочерью въ Сендомиръ и Самборъ, гдѣ спокойно и роскошно дожидать вѣкъ по образу и подобию своихъ магнатовъ прадѣдовъ, или — еще разъ попытать счастья, связавшись съ новымъ претендентомъ на русскій престолъ. Честолюбивый старикъ выбралъ послѣднее — и вслѣдствіе этого, 16 августа 1608 г., плѣбниковъ, сопровождаемыхъ кн. Долгорукимъ, внезапно окружили въ Бѣльскомъ уѣздѣ, наѣздники Зборовскій и Стадницкій, посланные изъ Тушина съ 2 тыс. отрядомъ всякой сволочи. Кн. Долгорукій, боярскіе дѣти котораго всѣ разбрелись по своимъ помѣстьямъ, не могъ или не хотѣлъ защищаться и усакалъ въ Москву, а Зборовскій съ Стадницкимъ, объявивъ Маринѣ, что *супругъ* ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили старому Мишки грамотку Тушинскаго царька, исполненную желаній скорѣйшаго свиданія и законченную тѣмъ, что старой панѣ восводити Сендомирской, не безъ дѣла сидѣвшей въ Польшѣ

(22) Ист. Гос. Рос. Т. XII. Стр.

все извѣстно ⁽²³⁾. Посовѣтовавшись между собою, Минишкѣ и дочь его—повернули въ Тушино ⁽²⁴⁾.

Подобной рѣшимости стараго воеводы, пожалуй, еще можно было бы удивляться; но присутствіе той же рѣшимости въ дочери его — кажется намъ весьма понятнымъ. Съ одной стороны, честолюбивой Маринѣ снова начиналъ заманчиво улыбаться такъ скоро и такъ неожиданно потерянный ею престолъ; съ другой стороны—Марину, все еще прелестную, ждали объятія если не перваго мужа ея, то человѣка, можетъ быть, еще болѣе способнаго нравиться женщинѣ, какою была она, низверженная царица московская. Вопросъ о женской чести отодвигался, въ этомъ случаѣ, на второй планъ, потому что на первомъ мелькали престолъ и корона. И близость обладанія ими до того очаровывали Марину, что веселое настроеніе духа ея ни-

⁽²³⁾ См. Собр. Гос. Грам. и Догов. Т. II. № 160.

⁽²⁴⁾ Село Тушино, принадлежавшее нѣкогда кн. Телятевскимъ, теперь казенное, находится въ 12 верст. отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ. На выѣздѣ изъ Тушина къ Воскресенску или Новому-Іерусалиму, до сихъ поръ еще видѣются, влѣво отъ дороги, слѣды оконъ Тушинскаго вора. Здѣшній храмъ былъ, во времена Грознаго, Преображенскимъ *на Востокъ* монастыремъ, отъ котораго осталась теперь небольшая каменная церковь Преображенія; трапеза же и колокольня пристроены къ ней впоследствии.

сколько не измѣнилось послѣ одного случая, когда какой-то молодой шляхтичъ, подсакавъ, на пути въ Тушино, къ экипажу экс-царицы, сказалъ ей: «Марина Юрьевна, я замѣчаю радость на лицѣ твоёмъ, что было бы прилично лишь тогда, когда бы нашелся истинный государь; это же — не Дмитрій, бывшій супругъ твой, а иной» ⁽²⁵⁾. Мало того: Марина, еще не убѣдясь лично въ дѣйствительности или подложности тушинскаго претендента на ея руку, уже соединяла интересы свои съ его интересамъ и, согласно желанію новаго Лжедмитрія, заѣзжала въ Вышгородскій монастырь присутствовать при положеніи мощей какого-то святаго; «отчего бы — писалъ ей царикъ — великое уваженіе къ намъ въ Москвѣ возросли, что извѣстно и вамъ самимъ, и чрезъ что мы прежде величайшую ненависть и пагубу потерпѣли въ нашемъ государствѣ» ⁽²⁶⁾.

Не смотря однако же на такое алчное желаніе трона и короны, Марина, все-таки, не могла сразу заглушить въ себѣ чувство скромности, свойственной ея полу, и никакъ не рѣшалась броситься, очертя голову, въ объятія бродяги, теперь, завѣдомо ей незнакомаго. А потому было рѣшено,

⁽²⁵⁾ Отд. Моск. Вѣдом. Лпм. г. № 815. 789.

⁽²⁶⁾ См. Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II. № 163.

что Мнишекъ съ дочерью, не вѣзжая въ Тушино, останутся въ лагерѣ Салѣги, куда самозванецъ явится къ нимъ на секретное свиданіе. День этого свиданія наступилъ 1-го сентября — и у дочери Мнишка потемнѣло въ глазахъ: передъ нею стоялъ человѣкъ «обличьемъ смугль, волосомъ чернъ, носъ покляпъ, усъ не малъ, брови велики нависли»⁽²⁷⁾—человѣкъ, изъ всѣхъ словъ котораго явствовало, что онъ пгрубъ, п жестокъ, п коваренъ, п развратенъ, словомъ составленъ изъ преступлений всякаго рода, недостойнъ имени даже ложнаго государя⁽²⁸⁾. Прелестная Марина содрогнулась отъ одной мысли раздѣлять ложе съ такою гадною и страдала невыразимо, потому что въ ней боролись чувства женской стыдливости и естественнаго отвращенія съ чувствомъ честолюбія, далеко не женскаго. Но идти назадъ было поздно, гибельные совѣты отца, заодно съ обольщеніями самозванца, брали свое, — п Марина, махнувъ на все рукою, отчаянно предалась волѣ судьбы. Все, что могла выговорить себѣ несчастная жертва честолюбія,—

(27) См. Статьи Соловьева «Образъ Событій Русской Исторіи отъ кончины царя Ѳедора Іоанновича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ» въ «Современникѣ» 1849 г. Январь, стр. 29.

(28) Ист. Гос. Рос. т. XII. Прим. 139.

это обязательство Тушинскаго вора не пользоваться правами мужа раньше взятія Москвы, и жить съ Мариною какъ братъ съ сестрою.

Затѣмъ, 8 сентября 1608 г., послѣдоваль торжественный вѣздъ Марины въ лагерь тушинскій, разнокалиберное населеніе котораго пестрѣло толпами русскихъ измѣнниковъ, польской сволочи, казаковъ всѣхъ наименованій, даже касимовскихъ татаръ,—и самозванецъ внѣ себя отъ радости, привѣтствовалъ *свою* жену-царицу пальбою изъ всѣхъ наличныхъ тушинскихъ пушекъ. Марина же, при этомъ случаѣ «лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана.» Такая комедія послужила къ большой выгдѣ самозванца, потому что многіе, смотря на Марину, увидѣли въ немъ истиннаго Димитрія, и число *перелетовъ*, т. е. бѣглецовъ изъ Москвы, стало быстро возрастать въ Тушинѣ, куда, вмѣстѣ съ множествомъ боярскихъ дѣтей, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, дьяковъ и подъячихъ, искавшихъ возвыситься какими бы то ни было средствами, — поспѣшили явиться теперь и такія личности, какъ кн. Дм. Тим. Трубецкой, кн. Дм. Мамстр. Черкасскій, кн. Ал. Юр. Сицкій, Мих. Мих. Бутурлинъ, двое кн. Засѣкиныхъ,—люди уже чиновные и

служившіе столыниками при дворѣ царя Шуйскаго. Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ перелетовъ, Самозванецъ видѣлъ около себя и одного изъ сановитыхъ представителей русскаго духовенства,—ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова, доставленнаго въ Тушину своею взбунтовавшеюся паствою и, волею-неволею, разыгрывавшаго здѣсь роль нарѣченнаго патріарха всероссійскаго ⁽²⁹⁾.

Очутаясь среди такого хаоса и въ головѣ до такой степени импровизованнаго двора, Марина очень скоро поняла, что признанный ею супругъ руководится исключительно внушеніями ляха Мѣхосецкаго и чуть-чуть не мѣшается съ грязью главнокомандующимъ тушинскихъ поляковъ, кн. Рожинскимъ. Марину, конечно, оскорбляло такое ничтожество ея новаго мужа; но она жертвовала своимъ самолюбіемъ своему же честолюбію, и, въ надеждѣ чего-то лучшаго, довольствовалась пока скромнымъ помѣщеніемъ въ деревянныхъ хоромахъ, выстроенныхъ для нея и главныхъ лицъ двора въ самомъ центрѣ тушинскаго обоза. Сюда же, къ этому

⁽²⁹⁾ Вотъ начало одной изъ грамотъ Филарета къ Салтѣ, писанной въ ноябрѣ 1608 г., объ освященіи церкви: «Благословеніе великаго господина преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, *нарѣченнаго патріарха* Московскаго и всея Русіи. — См. акт. Истор. Т. II. № 106.

центру, стекались со всѣхъ областей, признававшихъ самозванца, и деньги, и припасы — въ такомъ количествѣ, что «лагерь тушинской, нишетъ очевидецъ—плавать въ изобиліи: нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, скота, масла, сыру, муки, меду, солода, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ» ⁽³⁰⁾. Но, независимо отъ всего этого, моральное состояніе Марины продолжало оставаться тѣмъ же разстроеннымъ и страдательнымъ состояніемъ, потому что событія въ Тушинѣ разочаровывали ее болѣе и болѣе: такъ, напримѣръ, едва Марина успѣла прибыть къ Самозванцу, — Сапѣга, враждовавшій съ Рожинскимъ, самовольно пошелъ осаждать Троицко-Сергіевъ монастырь, и тамъ безцеремонно перехватывалъ припасы, слѣдовавшіе въ Тушино; а Рожинскій, искавшій безусловнаго первенства въ станѣ тушинскомъ, собственноручно убилъ Мѣховецкаго въ самомъ шатрѣ самозванца и въ присутствіи послѣдняго. Почти въ то же время многіе бояре, оставивъ Лжедмитрія, удалились въ Москву, гдѣ одинъ изъ нихъ, кн. Вас. Мосальскій, торже-

⁽³⁰⁾ См. Лѣтопись Бера, въ Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I стр. 147.

ственно, съ лобнаго мѣста, завѣрялъ народъ, что минимй Димитрій есть новй воръ и обманщикъ,— вслѣдствіе чего, число перелетовъ значительно уменьшилось въ Тушино. Наступленіе 1609 г. принесло Маринѣ еще менѣе радостей. Отецъ ея, воевода Сендомирскій, спѣшилъ на сеймъ, созванный въ Польшѣ, и, въ январѣ, выѣхалъ изъ Тушина, холодно разставшись съ своею дочерью. «Не знаю— писала тогда къ отцу огорченная Марина — что писать къ вамъ въ печали, которую имѣю, какъ по причинѣ отъѣзда вашего отсюда, что я осталась въ такое время безъ васъ, милостиваго государя моего и благодѣтеля, такъ и потому, что съ вами не такъ простилась, какъ проститься хотѣла, а паче я надѣялась и весьма желала, чтобы изъ устъ государя моего батюшки благословеніе получить, но видно я была недостойна. Нынѣ, чрезъ сіе письмо, припадая къ стопамъ, во-первыхъ въ томъ прощенія со слезами покорнѣйше прошу, что если я когда нибудь по неосторожности, съ умысла, по глупости, молодости или злости чѣмъ нибудь васъ прогнѣвала, благоволили бы, милостивый государь мой батюшка, теперь мнѣ все оное отпустить, и послать благословеніе дочери своей, въ печали и разлукѣ оставшейся, что я величайшимъ счастіемъ почтять буду». Но къ этимъ же скорбнымъ строкамъ Марина не забыла присоединить слѣдующихъ:

«Прошу васъ, милостивый государь мой батюшка, чтобъ я, по милости вашей, могла получитьъ чернаго бархату узорчатаго на лѣтнее платье для носта, двадцать локтей, прошу усиленно» ⁽³¹⁾. Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ папскому нунцію въ Польшѣ Сермонту, Маринна, стараясь замаскировать плохія обстоятельства самозванца, выражалась такъ: «Мы находимся теперь въ лагерѣ подѣ столпнымъ городомъ Москвою; дѣла наши въ такомъ положеніи, въ какомъ благоволимъ быть онымъ всеблагій Богъ» ⁽³²⁾. Что касается до личнаго положенія Маринны, оставленной отцомъ и почти всеѣми знатными земляками, оно, ухудшаясь съ каждымъ днемъ, скоро сдѣлалось критическимъ. Пичтожный новый Лжедмитрій, обрадовавшись незначительному успѣху подѣ Новгородомъ одного изъ своихъ полковниковъ, Керносицкаго ⁽³³⁾, возмечталъ, что

⁽³¹⁾ Собр. Грам. и Дог. Т. II, № 171.

⁽³²⁾ Тамъ же. № 170.

⁽³³⁾ О подвигахъ Керносицкаго Никоновская лѣтопись повѣствуетъ такъ: «Прииди къ Новгороду полковн. Керносицкой со многими людьми и ста у Снаса на Хутыни, и многу пакость дѣлаше Великому Новгороду и уѣзду... Милостію же Божіею и молитвою препод. чудотв. Варлаама, не похотѣ своей обители видѣти въ скверности и положи на нихъ страхъ велий и побѣгоша отъ Новгорода съ великою ужастію.» См. Ист. Гос. Рос. Т. XII. Прим. 369.

вопросъ о томъ—быть или не быть рѣшенъ окончательно—и потребовалъ немедленнаго бракосочетанія съ Мариной, прелестн которой давно уже возмущали его спокойствіе. Тщетно бѣдная Марина сопротивлялась грубой прихоти самозванца, тщетно указывала ему на его обязательство, заключенное съ ея отцомъ.... самозванецъ не внималъ ничему, хотѣлъ всего—и беззащитная Марина повиновалась: духовникъ іезуитъ тайно обвинялъ ее съ Лжедмитріемъ. Слѣдовательно, послѣдняя жертва Марины ея непасытному честолюбію была теперь принесена—и дочь воеводы Сенодмирскаго, вѣнчанная царица московская, съ затаеннымъ отвращеніемъ поверглась въ объятія безроднаго и гадкаго бродяги.

Но дорого стоилъ Маринѣ этотъ постыдный и невѣрно распитанный ею шагъ къ престолу. Гнусный самозванецъ достигнувъ полнаго обладанія прелестями Марины, такъ долго ему недоступными, скоро пресытился ими и, затѣмъ, не только не оказывалъ женѣ ни малѣйшаго уваженія, но даже не заботился доставить ей средства къ приличному существованію. Чтò испытывала тогда дочь воеводы Сенодмирскаго, о томъ можно судить изъ слѣдующей собственноручной записки ея къ отцу, отправленной изъ Тушина 13 марта 1609 г.:

«О дѣлахъ моихъ не знаю что писать, кромѣ того, что только отлагательства со дня на день,

нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ также, какъ и прп васъ, не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ; о чемъ я хотѣла болѣе къ вамъ писать, только господинъ коморникъ очень спѣшилъ, для того вкратцѣ пишу; своихъ людей не могу послать, ибо надобно дать на пищу, а я не имѣю. Помню, милостивый государь мой батюшка, какъ мы съ вами кушали лучшихъ лососей и старое вино пить изволили, а здѣсь того нѣтъ; ежели имѣете, покорно прошу прислать» ⁽³⁴⁾. Къ довершенію горя Марины, жестоко, но заслуженно терпѣвшей за свое легкомысліе, отъ воеводы Сендомирскаго не было ни отвѣта, ни привѣта, вмѣсто которыхъ, московскіе перелеты то и дѣло сообщали тушинскому двору недобрые слухи о дѣлахъ Лжедмитрія въ Польшѣ, даже въ разспросныхъ рѣчахъ говорили, что воевода Сендомирскій никакъ не можетъ уломать сеймъ въ пользу своего новаго зятя, хотя присягнулъ уже королю на томъ, что Димитрій «маеть вернуть и Польшѣ отдать Смоленскъ и землю Сѣверскую». Вѣсти московскихъ перелетовъ подтвердились, въ апрѣлѣ, новыми слухами: Тушинскій станъ свѣдалъ тогда, что польскій король Сигизмундъ чисто-на-чисто отказалъ сендомирскому воеводѣ въ какой бы то ни

⁽³⁴⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. II, № 178.

было помощи, и думая вовсе не о Лжедмитріи, а о собственной пользѣ своей, самъ сбѣгается идти въ Россію—брать за себя Смоленскъ. Не зная, вѣрить или не вѣрить этому, Марина крѣпко задумывалась и, въ августѣ, писала къ отцу: «Исполняя долгъ мой, никакого случая не оставляю, чтобы письменно не освѣдомиться о здоровьи вашемъ, милостиваго государя моего родителя, хотя въ сіе время я нѣсколько уже писемъ къ вамъ послала, на которыя никакого, а наипаче въ необходимыхъ дѣлахъ, отвѣта не получила; нѣкоторыя изъ оныхъ писемъ я сама писала, что меня весьма удивляетъ; ибо я, при нынѣшней печали моей, не зная, какой оборотъ примутъ дѣла русскія, ни въ чемъ болѣе не нахожу утѣшенія, кромѣ, какъ чаще получать письма отъ васъ, государя моего родителя, и изъ оныхъ радоваться о добромъ здоровьи и благосостояніи вашемъ, въ томъ бы полагать свое удовольствіе; о чемъ усиленно прошу, дабы вы, милостивый государь мой родитель, меня въ томъ оставлять не позволили. Я, по милости Божіей, теперь нахожусь въ добромъ здоровьи; о будущихъ же дѣлахъ русскихъ и о возжелѣнныхъ успѣхахъ дома нашего писать еще нечего, такъ какъ оное находится въ рукахъ Божіихъ и Его святаго промысла»⁽³⁵⁾. Отвѣта все таки не было. Но дѣла на-

⁽³⁵⁾ Тамъ же. № 187.

чали разъясняться: въ сентябрѣ, Сигизмундъ, дѣйствительно, стоялъ уже подъ Смоленскомъ, а въ ноябрѣ, дядя Марины, Стадницкій, уполномоченный королемъ, письменно предлагалъ племянницѣ отказать отъ притязаній на русскій престолъ и получить въ вознагражденіе землю Саноцкую съ доходами съ Самборской экономіи. Но Марина, обидясь тѣмъ, что дядя называетъ ее въ письмѣ не царицею Московскою, а дочерью воеводы сендомирскаго, отвѣчала Стадницкому: «Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства» и собственноручно приписывала: «кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается того блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» (36). Наконецъ, въ станѣ самозванца разнеслась молва о скоромъ прибытіи сюда пословъ сигизмундовыхъ, что и сбылось въ декабрѣ мѣсяцѣ. Марина, стоя у окна подлѣ самозванца, сама видѣла въѣздъ посольства въ Тушино—и не замедлила узнать, что послы явились съ королевскимъ порученіемъ: отвлечь отъ самозванца тушинскихъ поляковъ, которымъ представить, что гораздо приличнѣе служить своему природному государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній.

(36) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 113.

Положеніе Марины стало тогда еще болѣе тяжкимъ. Постоянно унижаемая и оскорбляемая поведеніемъ съ нею противнаго мужа ея, она давно уже видѣла явное и всеобщее неуваженіе къ этому мужу; слышала не разъ, какъ Тинкевичъ ругалъ самозванецъ въ глаза; знала, что онъ покушался уже бѣжать, но бывъ настигнутъ Рожинскимъ, содержался съ той поры въ Тушинѣ подъ строгимъ надзоромъ. Все это, разумѣется, далеко не льстило природенной гордости честолюбивой Марины.... Но теперь, когда послы сигизмундовы стали открыто дѣйствовать противъ того же самаго самозванца и, слѣдовательно, посягать на всѣ права его жены—сердце тушинской царицы облилось кровью. Она поняла, что изъ этого сердца хотять вырвать его завѣтнѣйшія надежды — и рѣшилась не отдавать ихъ никому, умереть съ ними. Въ этихъ, и только въ этихъ видахъ, Марина приготовилась стать горою за человѣка, хотя недостойнаго, но признаннаго ею царемъ и мужемъ, расположилась быть самою преданною и энергичею его помощницею, дала себѣ слово не разставаться съ *своимъ* Лжедмитріемъ и положила скоротать свою жизнь гдѣ бы то ни было, но—царицею.

Исполненіе этихъ новѣхъ обязанностей было отъ Марины очень недалеко, потому что послы Сигизмунда, время отъ времени, сзывая тушинцевъ на

коло, успѣли уже раздѣлить интересы Сапѣги и запорожцевъ съ интересами самозванца и тѣмъ лишили послѣдняго значительной доли его пособниковъ. На сторонѣ Тушинскаго вора оставался—изъ своихъ личныхъ видовъ—одинъ Рожинскій, да и тотъ, на вопросъ самозванца, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ посланцъ, безцеремонно отвѣчалъ: «какое тебѣ дѣло до того, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? кто знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ!» — и, говорятъ, замахнулся на самозванца палкою. Тогда Тушинской воръ въ ужасѣ прибѣжалъ къ Маринѣ, кинулся ей въ ноги и сказалъ: «Гетманъ выдаетъ меня королю; я долженъ спастись, — прости!» Это было 27 декабря 1609 г., а два дня спустя, самозванецъ, переодѣвшись крестьяниномъ, сѣлъ въ навозныя сани, и самъ другъ съ шутомъ своимъ, Кошелевымъ, уѣхалъ въ Калугу.

Увидѣвъ себя покинутою мужемъ, царница поняла, что роль ея началась и время дѣйствовать наступило. Съ распущенными волосами, блѣдная и рыдающая, явилась Марина среди стана тушинцевъ, изумленныхъ и смущенныхъ исчезновеніемъ самозванца, громко жаловалась на Рожинскаго, и, переходя изъ ставки въ ставку, заклинала каждаго оставаться вѣрнымъ Дмитрію, при чемъ очаровывала многихъ красотою, потому что въ слезахъ казалась еще пре-

лестнѣе. Растрепанность и рыданія молодой красавицы произвели свой эффектъ: ляхи бросились къ шатру Рожинскаго, громко звали самозванца и чуть не изрубили своего гетмана. Впрочемъ, минутный восторгъ новыхъ рыцарей остылъ такъ же скоро какъ возбудился и только 3 тыс. казаковъ, подъ предводительствомъ кн. Трубецкаго и Засѣкина, выѣхали изъ Тушина; да и тѣ, претерпѣвъ двукратное пораженіе, достигли Калуги въ значительно меньшемъ числѣ. Но Марина, оставаясь въ лагерѣ почти плѣнницею, продолжала сохранять эфемерное достоинство царицы и, 15 января 1610 г., между прочимъ, писала къ Сигизмунду: «Ни съ кѣмъ не играло такъ счастье, какъ со мною: изъ шляхетскаго рода оно возвысило меня на престолъ великой Имперіи—и низвело съ престола въ мрачную темницу, изъ - за которой проглянула - было обманчивая свобода, но судьба снова ввергла меня еще въ пагубнѣйшую неволю. Теперь, счастье меня оставило, но не лишило права властительскаго, утвержденнаго моимъ царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою всѣхъ руссіанъ» ⁽³⁷⁾. Оканчивая это письмо пожеланіемъ Сигизмунду военныхъ успѣховъ и преданіемъ себя въ его защиту,—Марина отнюдь не отрекалась отъ своихъ правъ на престолъ, стоявшихъ ей и чести, и стыда.

⁽³⁷⁾ Лѣт. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 103.

Однако, пребываніе Марини въ Тушинѣ становилось для нея опаснымъ, потому что ненавистный ей Рожинскій могъ, безъ особенныхъ хлопотъ, выдать царицу самозванку или польскому королю, или русскому правительству. Ежечасное ожиданіе не того, такъ другаго — ожиданіе, дѣйствительно, невыносимое—рѣшило жену Лжедмитрія бѣжать къ мужу, который и къ ней, и къ тушинцамъ уже подсылалъ изъ Калуги свои призывныя грамоты. Намѣреніе Марини было обдумано и выполнено ею очень скоро: доставъ себѣ полный воинскій нарядъ, отважная Маринѣ, ночью подѣ 11 февраля 1610 г., не смотря на трескучій морозъ, скакала уже съ лукомъ и туломъ за плечами по калужской дорогѣ, сопровождаемая только вѣрнымъ своимъ коморникомъ и одною служанкою. Поутру, въ комнатахъ Марини нашли записку, сокращенное содержаніе которой состояло въ слѣдующемъ: «безъ друзей и близкихъ, одна съ своею горестію, я должна спасать себя отъ наглости монаховъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ шировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣны и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня челоуѣку, которому ни я, ни мое царство не подвластны! Утѣшенная и гоцимая, свидѣтельствуюсь Всевишнимъ, что не престану

блюсти своей чести и славы, и, бывъ властительницею народовъ, уже никогда не согласусь возвратиться въ званіе польской дворянки. Надѣясь, что храброе войнство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ, ему обѣщанныхъ, удаляюсь» (38). Эту записку читали по всему лагерю—и тушинскіе ляхи снова окружили шатеръ Рожинскаго, снова грозилась убить гетмана, но снова одумались. Изъ Тушина не выѣхалъ на этотъ разъ никто, кромѣ нѣсколькихъ донцовъ. Однако же Рожинскій, донося Сигизмунду о неожиданнымъ бѣгствѣ Марини, счелъ нужнымъ присовокупить, что войско сильно бунтуетъ и необходимо чѣмъ нибудь удовлетворить его. «Иначе, доносятъ Рожинскій, трудно успокоить рыцарство» (39).

Между тѣмъ, Марина, сбившись съ калужской дороги, очутилась, 16 февраля, подъ Дмитровымъ, гдѣ на ту пору стоялъ лагерь Салѣга. Этотъ врагъ Рожинскаго изумился, увидѣвъ передъ собою жену самозванца и, тронутый критическимъ положеніемъ Марини, чистосердечно совѣтовалъ ей удалиться къ роднымъ въ Польшу. «Мнѣ ли, ца-

(38) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 115.

(39) Вскорѣ послѣ этого, Рожинскій былъ принужденъ оставить тушинскій лагерь, выступить оттуда и отойти къ Юсифову Волоколамскому монастырю, во время стоянки подъ которымъ, самъ гетманъ умеръ въ Волоколамскѣ, на 36 году.

рицѣ всероссійской, въ такомъ презрѣнномъ видѣ явиться къ роднымъ моимъ! Я готова раздѣлить съ царемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему» отвѣчала Сапѣгѣ Марина ⁽⁴⁰⁾—и тутъ же заказала себѣ алый бархатный кунтушъ, велѣвъ купить для нея сапоги со шпорами и принскать пару хорошихъ пистоле-товъ съ доброю саблею. Тогда у Сапѣги мелькнула другая мысль: задержать Марину въ своемъ станѣ, извлечь для себя изъ ея имени какую нибудь пользу. Узнавъ объ этомъ, Марина велѣла сказать Сапѣгѣ: «не бывать тому, чтобы онъ изъ личныхъ выгодъ сталъ торговать мною. У меня есть своихъ 350 дон-цовъ. Если дойдетъ до того, я дамъ ему битву» ⁽⁴¹⁾. Послѣ такого категорическаго предупрежденія, Сапѣгѣ оставалось обѣщать Маринѣ конвой до Калуги, а самой ей — спѣшить къ мужу. Но послѣднее не могло тотчасъ же состояться: отрядъ войскъ кн. Скопина-Шуйскаго осадилъ Дмитровъ прежде, чѣмъ успѣла выѣхать отсюда Марина. Эта осада врас-плохъ угрожала большою опасностію для Марины, потому что у Сапѣги было всего 700 чел., на по-ловину казаковъ, а москвитяне и нѣмцы присту-пали къ городу съ такою силою, что каждый изъ осажденныхъ легко могъ ожидать смерти или плѣна. Но присутствіе духа все-таки не покидало Марины,

⁽⁴⁰⁾ См. Лѣтоп. Бера, въ Сказ. о Дом. Сам. т. I, стр. 164.

⁽⁴¹⁾ См. Лит. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 103.

которая—по свидѣтельству очевидца, Мархотскаго—явилась въ одну изъ критическихъ минутъ у самаго вала, крикнула ослабѣвшимъ защитникамъ Дмитрова: «что дѣлаете, трусы! я женщина, а не потерялась»—и тѣмъ помогла, на этотъ разъ, отразить наступавшихъ.

Приступы, однако, повторялись — и въ одномъ изъ официальныхъ документовъ того времени читаемъ, что «Божіею милостию и Пречистые Богородицы, хрестіянскіе заступницы, помощію, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра, Алексѣя и Іоны моленіемъ, и Государя Царя и Великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи счастьемъ, Дмитровъ Государевы воеводы взяли, и Литовскихъ людей и воровъ, которые въ Дмитровѣ съ Сендомирскаго дочерью и съ Сапѣгою сидѣли, побили всѣхъ наголову, и съ Сендомирскаго дочерью Маринкою, и Сапѣгу самаго взяли; а она было побѣжала въ воровскіе таборы»⁽⁴²⁾. Эти «воровскіе таборы» были ни что иное, какъ Калуга, куда Марина, сопровождаемая 50 сапѣгиными нѣмцами, прискакала ночью, послѣ заутренъ, и, найдя городскія ворота запертými, велѣла доложить Лжедмитрію, что прибылъ собственный его коморникъ, имѣвшій нужду немедленно видѣть царя. Догадавшись въ чемъ дѣло, Лжедмитрій тотчасъ приказалъ отворить ворота и

(42) См. Акты. Истор. Т. II. стр. 338.

пѣсколько мннуть спустя, юный вопль, въ племѣ и съ локонами по плечамъ, ловко осадилъ взмысленнаго коня у крыльца Лжедмитріева дома. Само собою разумѣется, что въ этомъ воинѣ всѣ тотчасъ же узнали Марину, и радость калужанъ, счастливыхъ присутствіемъ царицы въ ихъ городѣ, была безпредѣльна.

Жизнь Марины въ Калугѣ, исполненная прежнихъ ожиданій престола и короны, потекла ровнѣе и спокойнѣе жизни ея въ Тушинѣ. Въ Калугѣ не было уже ни самопадѣннаго Рожинскаго, ни дерзкаго Тишкевича, ни тѣхъ пагубныхъ для Марины сходбищъ, или *колъ*, гдѣ громогласно посягали на права втораго Лжедмитрія и его жены. Правда, калужскій дворъ *Тушинскаго вора*—какъ называютъ Лжедмитрія исторія—состоялъ, по преимуществу, изъ русскихъ холопей измѣнниковъ и польско-татарскаго сброда искателей приключеній, въ головѣ которыхъ стоялъ кн. Григ. Шаховской «всей крови заводчикъ», заклятой врагъ Шуйскаго и другъ всѣхъ его враговъ. Но это-то и успокоивало Марину, которая, въ то же время, очень хорошо понимала, что пока Сигизмундъ стоитъ подъ Смоленскомъ и воюетъ съ Москвою, Лжедмитрій, оставаясь главою русской партіи, ненавидѣвшей Шуйскаго, будетъ, естественнымъ образомъ, сберегаемъ Сигизмундомъ, какъ необходимое пугало Москвы. Съ другой сто-

ропы, Марина не слишкомъ боялась и честолюбиваго Сигизмунда, потому что сильно рассчитывала на Сапѣгу, который, не выхлопотавъ согласія Сигизмунда на свои притязанія, продолжалъ оказывать преданность самозванцу, и, любимый поляками, привлекалъ къ калужскому царьку многихъ своихъ земляковъ. Наконецъ, Марина видѣла вокругъ себя довольство и пиры; слышала всеобщую молву, что въ Калугѣ честь и богатство, а въ Тушинѣ бѣдность и смерть; знала, что тушинскіе ляхи жальются о счастіи, которое оставило ихъ съ удаленіемъ самозванца,—и не могла не радоваться, когда извѣстный Прокошій Ляпуновъ, глава мужественныхъ рязанцевъ и любимецъ кн. Скопина-Шуйскаго, огорченный безвременною кончиною послѣдняго, завязалъ сношенія съ Калугою.... Ожидая всего хорошаго отъ такого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, Марина все-таки внутренно возмущалась преимуществомъ правъ своихъ передъ правами самого Лжедмитрія, мечтала, можетъ быть, о заявленіи со временемъ подложности своего мужа и не упускала случая возможно выгодноѣ оттѣнить собственную личность отъ личности ничтожнаго самозванца. Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ тотъ, когда Лжедмитрій, досадуя на потерю крѣпкаго Іосифова монастыря, отнятаго у дружины самозванцевой нѣмецкою дружиною Сигизмунда, велѣлъ

ни съ того ни съ сего побросать въ воду всѣхъ своихъ нѣмцевъ. Эти несчастные были отвсюду вытребованы въ Калугу, и узнавъ свой приговоръ, искали защиты въ протекціи фрейлнцъ царицы, дамскій штатъ которой, съ прибытіемъ ея въ Калугу, состоялъ, исключительно, изъ одиѣхъ нѣмокъ. Марина приняла участіе въ невинныхъ страдальцахъ, попросила кн. Шаховскаго пріостановиться исполненіемъ жестокаго приговора и послала приглашеніе къ самому Лжедмитрію зайти къ ней. «Знаю, чего она хочетъ, завопилъ озлобленный самозванецъ; она будетъ просить за поганныхъ нѣмцевъ; напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сегодня же—или я не Дмитрій. А если она вздумаетъ меня беспокоить—утопить и ее вмѣстѣ съ ними». Марина, опечаленная такимъ отзывомъ мужа, рѣшилась идти къ нему сама и, подавляя въ себѣ чувство прирожденнаго ей гонора, бросилась къ ногамъ бродяги самозванца, умоляла его размыслить о жестокости приговора и пощадить невинныхъ нѣмцевъ. Лжедмитрій смягчился, изрекъ помилованіе—и красавецъ Георгъ Гребсбергъ, любимый коморникъ Марины, являсь къ осужденнымъ, уже приготовившимся къ смерти, сказалъ имъ: «радуйтесь, нѣмцы! Молитесь о здравіи царицы, своей матери; будьте покорными дѣтьми ея!» — на что нѣмцы единогласно отвѣтствовали: «Да сохранитъ милосердый Богъ нашу государыню, вмѣстѣ съ

супругомъ ея! Будемъ вѣчно молиться за нихъ» ⁽⁴³⁾.

Между тѣмъ, положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось хуже и хуже. Царствуя надъ Россією, наводившею выѣшными и внутренними врагами, Шуйскій не пользовался расположеніемъ своихъ многихъ подданныхъ, подозрѣвался, какъ соучастникъ въ отравленіи кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, стратига русской земли, и преслѣдуемый несчастіями, узнавъ, въ іюнѣ 1610 г., о совершенномъ разбитіи, подъ Клушинымъ, брата своего кн. Дм. Шуйскаго гетманомъ Жолкевскимъ. Объ этой клушинской битвѣ свѣдалъ, вмѣстѣ съ царемъ Шуйскимъ, и самозванецъ, который, пользуясь плохими обстоятельствами московскаго правительства, немедленно выступилъ изъ Калуги къ Москвѣ.

Лжедмитрія сопровождала и Марина. Бывъ свидѣтельницею неудачной схватки, на р. Нарѣ, сволочи своего мужа съ крымскими мурзами, спѣшившимъ на помощь царю Василю, Марина видѣла занятіе той же сволочью вѣрнаго Шуйскому Серпухова, потомъ разореніе Боровскаго Пафнутіева монастыря и, вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ, вступила въ село Коломенское. Здѣсь самозванецъ расположился обширнымъ станомъ, и отправивъ пословъ къ Сигиз-

⁽⁴³⁾ См. Лѣтоп. Бера къ Сказ. Совр. о Дим. Сам. Т. I, стр. 170.

мунду «съ изъявленіемъ ему его дружескаго расположения» — здѣсь же узналъ о низложеніи царя Василя, постриженнаго собственными подданными въ іюль 1610 г. Но это низложеніе личнаго врага Марины, вовсе не послужило къ ея пользѣ, потому что 17 августа того же 1610 г. москвичи присягнули не Лжедмитрію съ Мариною, а польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмундову.

Извѣстіе о такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ застало Марину въ Николо-Угрѣнскомъ монастырѣ, гдѣ она находилась тогда вмѣстѣ съ мужемъ. Сюда же явился одинъ изъ московскихъ передетовъ и предупредилъ супруговъ, что на Угрѣшу идетъ самъ Жолкевскій, съ цѣлію захватить здѣсь и Лжедмитрія и Марину, оставленныхъ даже Сапѣгою. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ монастырь парламентаръ Жолкевскаго, миролюбиво предлагавшіе самозванцу—упасть къ ногамъ короля Сигизмунда и, за подобное смиреніе, получить въ удѣлъ Гродно или Самборъ. Выслушавъ такое предложеніе, Лжедмитрій отвѣчалъ: «Хочу лучше жить въ крестьянской избѣ, нежели мпlostію Сигизмунда»; а Марина, пылая негодованіемъ, начала злословить и поносить короля и съ язвительною насмѣшкою сказала парламентарямъ: «Теперь слушайте мое предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ царю Дмитрію Краковъ, и возьметъ отъ него, въ знакъ мило-

сти, Варшаву» (44). Но дѣлать было нечего: Жолкевскій приближался къ Угрьшѣ, и супруги, 25 августа, успѣли спастись въ Калугу, куда, съ ними же, удаллся запорожскій атаманъ Заруцкій, недовольный Жолкевскимъ за то, что тотъ не далъ ему главнаго начальства надъ русскими войсками, присягнувшими Владиславу.

Марина возвратилась въ Калугу съ растерзанною душою. Тронъ и корона видимо уходили изъ глазъ честолюбивой Мнишковицы, и кн. Мстиславскій, первое лицо московской боярской думы, повѣщая Россію о присягѣ Москвы королевичу, въ то же время убѣждалъ всѣхъ окружную грамотою отъ 30 августа: «Марину Мнишкову, которая была за убитымъ разстригою, Грпшкомъ Отрепьевымъ, и съ нимѣшнимъ воромъ по московскому государству ходитъ, государынею московскою не называть и смуты нѣкоторыя впередъ въ московскомъ государствѣ не дѣлать и отвести ее въ Польшу» (45). Но сама Марина не могла такъ скоро помириться съ мыслию о необходимости самоотреченія, и снова пренебреженная самозванцемъ, легкомысленно предававшимся охотѣ и пьянству, стала выпескивать челоуѣка, съ отвагою котораго было бы ей выгодно соединить свою неукротимую энергію. Именно та-

(44) Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 146.

(45) См. Акты Арх. Эксп. Т. II. № 165.

нимъ человѣкомъ казался Маринѣ казачій атаманъ, Ив. Март. Заруцкій, уроженецъ тарнопольскій, — личность смѣлая, ловкая и предприимчивая. Присматриваясь къ Заруцкому, Марина поняла, что «въ его неутомимой головѣ хватало сердца и смысла на все, особенно если предстояло сдѣлать что нибудь злое» ⁽⁴⁶⁾, — и затѣяла съ атаманомъ секретную связь. Эта связь продолжалась всю осень 1610 г. но не была замѣчаема Лжедмитріемъ, который, дѣлая одну глупость за другою, перессорился съ преданными ему татарами и велѣлъ — по неосновательному подозрѣнію въ измѣнѣ — бросить въ воду жившаго въ Калугѣ каспійскаго царя Ураз-Махмета, а друга Махметова, нагайскаго князя Петра-Араслана Урусова посадилъ въ тюрьму. Освобожденный чрезъ нѣсколько дней, Арасланъ затаялъ въ себѣ глубокое чувство мести и скоро насытился ею.

11 декабря 1610 г. — въ день, по обыкновенію, посвященный охотѣ — Арасланъ, проѣзжая съ Лжедмитріемъ однимъ уединеннымъ мѣстомъ, злодѣйски выстрѣлилъ въ самозванца, ранилъ его въ руку и, сказавъ царьку: «я научу тебя топить хановъ и сажать мурзъ въ темницу» — тутъ же отсѣкъ ему голову. Свидѣтелемъ убійства былъ шутъ Лже-

⁽⁴⁶⁾ См. Рукопись Жолкевскаго, изд. Мухомовымъ, въ 1835 г. стр. 198.

дмитрія Кошелевъ, который тотчасъ же поскакалъ извѣстить Калугу о случившемся происшествіи. Калужане, «не понявъ тому вѣры», ударили, однако, въ сполошные колокола и всѣмъ городомъ «ѣздили того воровского тѣла смотреть.... и того вора видѣли они, за рѣчкою за Яченкою, на горкѣ, у креста, лежитъ убитъ, голова отсѣчена прочь, да по правой рукѣ сѣченъ саблею....» ⁽⁴⁷⁾ Сомнѣнія въ смерти самозванца не было, слѣдовательно, никакого.

Марина, жалѣя не о мужѣ, а о своемъ погибавшемъ величіи, спѣшила повторить сцену, разыгранную, нѣкогда, въ Тушинѣ. Прелестница снова явилась блѣдною, рыдающею, растрепанною; ночью, съ факелами, бѣгала по улицамъ; звала калужанъ мстить татарамъ за смерть Дмитрія—и до того возбудила умы гражданъ, что «къ утру, говоритъ Карамзинъ, не осталось *ни единого* татарина живаго въ Калугѣ» ⁽⁴⁸⁾. Всѣ земляки Араслановы, вовсе не виноватыя въ смерти тушинскаго вора, были перерѣзаны калужанами и казаками, тогда какъ самъ Арасланъ ушелъ съ нагаями въ Тавриду.

Но Марина не остановилась на убіеніи таръ. Объявивъ себя беременною, она немедленно родила сына, *Исатика*, котораго калужане съ тор-

⁽⁴⁷⁾ См. Акты Ист. Т. II, № 307.

⁽⁴⁸⁾ Ист. Гос. Рос. Т. XII, стр. 161.

жествомъ окрестили въ своей соборной церкви, гдѣ, въ то же время и съ такимъ же торжествомъ, былъ погребенъ ими ихъ убитый царикъ. «И остася—говорить о Маринѣ Палицынѣ — сука со единѣмъ щенятемъ, кнейже припряжеса закономъ сатанинскимъ полякъ Иванъ Заруцкій, показуяся, яко служа ей и тому ея выблядку» ⁽⁴⁹⁾. Не смотря однако же на видимое покровительство Заруцкаго Маринѣ, кн. Трубецкой, кн. Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе сановитѣйшіе люди калужскаго двора не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни сыну ея, дали знать обо всемъ московской боярской думѣ, и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій—посадили Марину подъ стражу.

Тогда только удостовѣрилась честолюбивая экс-царица въ рѣшительной несбыточности своихъ надеждъ, и, забывъ на минуту все остальное, думала единственно о сохраненіи собственной жизни. «Освободите, ради Бога освободите! писала она Самѣгъ изъ своего заключенія: мнѣ даютъ жить только

⁽⁴⁹⁾ См. Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и проч. соч., Авраамія Палицына, изд. 1822 г. стр. 242 —Берхъ думаетъ, что сынъ Марины могъ считать своимъ отцомъ тушинскаго гетмана Рожинскаго. См. Царствованіе Михаила Федоровича соч. Берха, изд. 1832 г. Ч. 1 стр. 59.

двѣ недѣли. Вы славны; будьте еще славнѣе, спасая несчастную. Милость Божія будетъ вамъ вѣчною наградою» (50). Однако Сапѣга не отвѣчалъ ничего, и, простоявъ еще день подъ Калугою—отступилъ.

Хотя Маринѣ оставалось жить и не двѣ недѣли, какъ писала она Сапѣгѣ, а гораздо больше, но дальнѣйшая судьба ея уже не представляетъ прежняго интереса, потому что бывшая царица московская становится отнынѣ отчаянною авантюристкою, которая, безсмысленно преслѣдуя одинъ и тотъ же призракъ трона и короны, тщетно старается уловить его и жертвуетъ ему послѣдними искрами не чести, давно уже утраченной Мариною, а самого женскаго стыда. Поэтому, мы расскажемъ остальную жизнь Марины вкратцѣ.

Переведенная изъ Калуги въ Коломну, Марина содержалась тутъ около полутора года, въ теченіе которыхъ, избранникъ ея, Заруцкій, то раздѣлялъ съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ начальство надъ первымъ ополченіемъ русской земли, то присягалъ псковскому самозванцу *Сидорку*, то игралъ главную роль въ убійствѣ Ляпунова, то безуспѣшно подсылалъ убійцъ къ кн. Пожарскому, въ Ярославль, гдѣ будущій спаситель отечества собиралъ тогда второе земское ополченіе. Въ коломенское заключеніе Ма-

(50) См. Лит. Отд. Моск. Вѣд. 1857 г. № 120.

рины, конечно, достигали слухи объ окружной грамотѣ Гермогена, которою этотъ старецъ-патріархъ убѣждалъ русское духовенство, «чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринка панина сына не благословляли», потому что «отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ, проклятъ отъ Святаго собора и отъ насъ» ⁽⁵¹⁾. Но Марина знала и о томъ, что «многіе покушаются, чтобъ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея быти на Московскомъ Государствѣ, съ ложнымъ воромъ, антихристовымъ предотечемъ, что имъ долю отца своего исполнить и грабежамъ и блудомъ и инымъ неподобнымъ богомненавиднымъ дѣломъ не престать» ⁽⁵²⁾. Слѣдовательно, экс-царица не теряла надежды, пересылалась съ астраханцами, «хотя лишь новую кровь», ждала своего избавителя—и дождалась его.

Свѣдавъ, глѣтомъ 1612 г., о выступленіи Пожарскаго изъ Ярославля, Заруцкій «пзъ подѣ Москвы побѣже, и прішедъ на Коломну, Маринку взя, и съ воренкомъ ея сыномъ, и Коломну градъ выгромивъ, поиде въ Рязанскіе мѣста, и тамъ многую

⁽⁵¹⁾ См. Собр. Гос. Грам. и Догов. Т. II. № 268.—Впрочемъ эта грамота гораздо исправнѣе напечатана въ книгѣ Берхъ «Древнія государственныя грамоты и проч., собранныя въ Пермской губерніи» изд. 1821 г. См. № XXV.

⁽⁵²⁾ См. Акт. Арх. Эксп. Т. II, № 201.

пакость дѣлаше, и пришедъ, ста на Михайловъ городъ» ⁽⁵³⁾. Отсюда Заруцкій двинулся къ Рязани, былъ здѣсь разбитъ на голову, но забравъ Маринку, уже обвинянную съ нимъ, бѣжалъ далѣе, опустошилъ по дорогѣ Дидиловъ, Елифанъ, Кропину, Чернь, Ливны, Лебедянь — и бросился въ Украйну.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, очищенной Пожарскимъ и Мининымъ отъ поляковъ, состоялось, въ февралѣ 1613 г., избраніе на царство Мпхапла Романова; русская земля единодушно присягнула «на Московское государство инымъ государей, и Маринки съ сыномъ не обирати, и имъ ни въ чемъ не добротати, и съ ними ни о чемъ не ссылатися» ⁽⁵⁴⁾— и новое правительство назначило для поимки Заруцкаго съ Маринкою ополченія тульское, владимірское и рязанское, всѣ подъ главнымъ начальствомъ гв. Ив. Никит. Одоевскаго. Въ то же время, толпы казаковъ, оставя Заруцкаго, приходили въ Москву, гдѣ говорили, что «Заруцкій съ польскими и литовскими людьми на всякое зло Московскому государству ссылался и хотѣлъ съ Маринкою въ Польшу и Литву къ королю бѣжати и его не пу-

⁽⁵³⁾ См. Лѣтопись о многихъ мятежахъ и проч., изд. 1788 г., стр. 253.

⁽⁵⁴⁾ См. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 203, стр. 629.

стили и удержали атаманы и козакн, которые въ тѣ поры были съ нимъ»; или—что «Заруцкій хочеть итти въ Казилбашн (въ Персію), а Маринка де съ нимъ итти не хочеть, а зоветъ его съ собою въ Литву» (55). Царскіе воеводы настггли Заруцкаго подъ Воронежемъ; «и бывшу бою, не возмогоша его одолѣть, и многую шкodu подъяша отъ него въ людехъ; онъ же переправясь Донъ съ Маринкою поиде степью къ Астрахани» (56).

Овладевъ, съ помощью ногайскихъ татаръ, Астраханью, Заруцкій провелъ здѣсь всю зиму 1613 — 1614 г., 'предалъ смерти мѣстнаго воеводу кн. Хворостинина, казнилъ кого попало, не разбирая ни сана, ни пола, ни возраста, выкралъ изъ здѣшняго Троицкаго монастыря серебряное паникадило, изъ котораго, между прочимъ, снлъ себѣ стремяна, дарилъ своихъ друзей городскими лавками и амбарами и дѣйствовалъ не иначе, какъ граматами и наказами, писавшимися отъ имени «государя цари и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Русси, и отъ государыни царицы и великой княгини Маринны Юрьевны всея Русси, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитриевича всея

(55) См. Русская Лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г. Ч. VIII, стр. 300.

(56) См. Новый Лѣтописецъ, изд. кн. Оболенскимъ въ 1853 г. стр. 162.

Россіи» ⁽⁵⁷⁾. Что касается личныхъ распоряженій въ Астрахани самой Марины, изъ нихъ документально извѣстно слѣдующее: «Маринка жъ къ завтрениямъ въ колокола рано благовѣститъ и звонить не велѣла, боится приходу (т. е. бунта), а говорить она, отъ звону де сынъ полошается» ⁽⁵⁸⁾.

Весною 1614 г. отъ царскихъ воеводъ и изъ самой Москвы — отъ царя, думы и духовенства были разосланы увѣщательныя грамоты къ волжскимъ казакамъ, жителямъ Астрахани, нагайскому князю Иштереку, даже къ самому Заруцкому; и во всѣхъ этихъ грамотахъ Марину называли «еретичею богомерзкія, латынскія вѣры, Люторкою, прежнихъ воровъ женою, отъ которой все зло Россійскому государству учинилось». Да и сама Марина едва ли думала теперь о престолѣ и коронѣ. Увлеченная, единственно, местию русскому правительству, она, благовоспитанная дочь польскаго магната, сказавъ, можетъ быть, себѣ: *танюй душа безъ кунтуши, ницъ пана безъ жупана* ⁽⁵⁹⁾ — уже не брезгала сожительствомъ съ простымъ атаманомъ разбойниковъ, и, сопровождая своего Заруцкаго въ

⁽⁵⁷⁾ См. Акты Истор. Т. III.

⁽⁵⁸⁾ Тамъ № 248.

⁽⁵⁹⁾ Эту поговорку народная молва приписываетъ изобрѣтенію самой Марины. — См. Рускіе въ своихъ пословицахъ, соч. Снегирева. изд. 1834. Ч. IV, стр. 136.

буйныхъ прогулкахъ его по астраханскимъ окрестностямъ, привыкла быть ежедневною участницею пьяныхъ казацкихъ оргій, но боялась только одного, чтобы не попасть въ испаганскій гаремъ, о чемъ хлопоталъ уже, чрезъ своихъ полномочныхъ, шахъ персидскій, наслышанный о красотѣ польки-преlestницы ⁽⁶⁰⁾.

Однако власть Заруцкаго до того не нравилась жителямъ Астрахани, что, на вербной недѣлѣ 1614 г., они «учинили съ нимъ рознь», вслѣдствіе которой удалились на городской посадъ, оставя Заруцкаго съ 800 чел. въ каменномъ городѣ или Кремлѣ. Тогда, озлобленный мужъ Марины сталъ громить посадъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ и громилъ до самаго 12 мая. Въ этотъ день къ Астрахани подошелъ съ передовою царскою дружиною стрѣлцкой голова Вас. Хохловъ, и Заруцкій, на другой же день, вышелъ изъ своей засады, а на третій—спустился внизъ по Волгѣ такъ скрытно, что только казакъ Гришка «изъ камыши посмотрилъ, азко де ѣдетъ воръ Иванко Заруцкій съ Мариною, а съ ними его воры, козакъ волскіе и дворовые, и гробутъ арычаномъ вверхъ» ⁽⁶¹⁾. 1 іюня прибыли въ Астрахань царскіе воеводы, кн. Одоевскій съ

⁽⁶⁰⁾ См. Прогулка по древнему коломенскому уѣзду. Соч. Иванчина-Писарева, изд. 1813, стр. 138.

⁽⁶¹⁾ См. Акты Истор. Т. III, № 15.

Головинимъ, и тотчасъ же послали преслѣдовать бѣглецовъ, которые тогда были уже на р. Яикѣ (Уралѣ). Стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Онучинъ напали на слѣдъ Заруцкаго съ Маринкою не раньше 11 іюня, а четыре дня спустя въ Астрахань были приведены два ногайца, отъ которыхъ воеводы узнали, что Маринка съ сыномъ и Заруцкимъ стоитъ на Медвѣжьемъ-Островѣ, въ острожкѣ, гдѣ «всѣмъ владѣютъ козаки, атаманъ Треня Уса съ товарищи, а Иванкѣ Заруцкому и Маринкѣ ни въ чемъ воли нѣтъ, а Маринкинъ сынъ у козаковъ у Трени Уса съ товарищи» (62). Итакъ самая тѣнь власти исчезла уже изъ глазъ честолюбивой Маринки, завлѣкшей теперь отъ какого нибудь Трени Уса съ товарищи....

Наконецъ, Одоевскій и Головинъ, не выходявшіе изъ Астрахани, получили отъ Пальчикова и Онучина слѣдующее извѣстіе: «Въехали мы, государи, Яикомъ двѣ недѣли, и вора Иванко Заруцкаго и Маринку съ сыномъ и козаковъ доѣхали на Яикѣ, Медвѣжьемъ городкѣ, іюня въ 24 день; и съ ними бились, и въ городкѣ ихъ осадили; и козаки, видя себѣ тѣсноту, добились челомъ и цѣловали государю грестъ іюня въ 25 день; а злоносныхъ враговъ, вора Иванку Заруцкаго и Маринку и сына ея

(62) Тамъ же, № 26.

Ивашка вручилъ Богъ въ рудѣ вашъ, и ведемъ ихъ гѣ вамъ въ Астрахань связанныхъ съ собою выѣстъ» (63).

Все кончилось для Марины, всѣ мечты ея разлетѣлись прахомъ! 6 іюля 1614 г. вѣнчанная царица Московская прибыла въ Астрахань плѣнницею, а 13 того же мѣсяца отправилась отсюда въ Москву *скованною*, при чемъ стрѣльцовой стражѣ изъ 600 чел., назначенной въ конвой къ Маринѣ съ сыномъ, не считая 230 чел., охранявшихъ Заруцкаго—не только внушалось «ставиться по станомъ усторожно, чтобъ на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли», но даже предписывалось, въ случаѣ сильнаго нападенія подобныхъ людей, «Марину съ выблѣдкомъ и Ивашка Заруцкаго *побити до смерти*, чтобы ихъ воры живыхъ не отняли» (64). Въ Москвѣ Заруцкаго посадили на-колѣ; а сына Марины повѣсили. (65)

(63) Тамъ же, № 32.

(64) Тамъ же, № 36.

(65) Въ царствованіи Алексѣя Михайловича былъ казненъ въ Москвѣ бродяга, называвшійся сыномъ Марины и перваго Лжедмитрія рожденнымъ, будто бы въ темницѣ, по убіеніи самозванца. О другомъ бродягѣ, который назывался Ивашъ Дмитріевъ Луба и также имѣлъ притязаніе на происхожденіе отъ Лжедмитрія I и Марины, шла переписка съ Польшею еще при царѣ Михайлѣ, въ 1644 г.

Что касается самой Марины, конецъ ея не совѣмъ извѣстенъ. Лѣтопись замѣчаетъ коротко, что «Маринка умре на Москвѣ. Въ Коломнѣ существуетъ другое преданіе: мѣстные жители, указывая на одну изъ 16 башенъ древняго городского Кремля, стоящую у самаго коломенскаго моста, говорятъ, что именно въ этой башнѣ, до сихъ поръ сохранившейся остатки тюрьмы и тайниковъ, была заключена и умерла Марина, — какъ думаютъ въ 1615 г. Наконецъ, подольскій историкъ Нѣмцевичъ пишетъ, что Марину снова свезли на Янкъ, гдѣ утопили въ проруби.

Итакъ, — вотъ каково было поприще знаменитой шляхтянки Марины Мнишекъ, достигнувшей въ Россіи вѣнца монахова, перебивавшей въ теченіе девяти лѣтъ въ объятіяхъ трехъ законныхъ мужей и, вѣроятно, нѣсколькихъ любовниковъ, испытавшей все—отъ трона до кандаловъ и, гремѣвшей извѣстностію отъ Самбора и Кракова до Япка и Испаніи! Всмотриваясь въ это поприще, нельзя не согласиться съ нашимъ славнымъ Пушкинымъ, что Марина «была самая странная изъ всѣхъ хорошихъ женщинъ, ослѣпленная только одною страстью — честолюбіемъ, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ» (66).

(66) См. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Анненкова, Т. I, прилож. III, стр. 440.

Народное преданіе тоже не забыло Марину. Но оно превратило ее въ сороку, и въ пѣсняхъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о Гришкѣ Разстригѣ, Марина воспѣвается такъ:

А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою оберпулася,
И изъ палатъ она вонъ вылетала.... ⁽⁶⁷⁾

⁽⁶⁷⁾ См. Историческіе очерки Русской народной Словесности и искусства, соч. Буслаева. Изд. 1861 г. Т. I, стр. 540.

